

КУЛЬТУРА

Владимир Спиваков: «Национальный оркестр должен оправдывать свое название»

Главный дирижер Национального филармонического оркестра и президент Международного дома музыки хочет создать в Москве звукозаписывающую фирму мирового уровня

Григорий Заславский

Народный артист СССР, художественный руководитель и главный дирижер камерного оркестра «Виртуозы Москвы» и художник созданного недавно Национального филармонического оркестра России скоро отметит год, как он был назначен президентом Московского дома музыки. В интервью, которое он дал «НГ», maestro согласился подвести первые итоги.

Владимир Теодорович, уже прошло какое-то время с тех пор, как вы возглавили Московский международный дом музыки. Кстати, почему он так называется, ведь там есть и театральный зал?

— Если говорить о названии, то, возможно, правильное его было бы назвать Московский международный центр искусств. Во-первых, потому, что там действительно три зала, а во-вторых, это больше соответствует его английскому названию — The Moscow International Performance Arts Center. Мне хотелось бы, чтобы в Доме музыки появились свои традиции, как, например, в венском Musikverein, где есть семейные ложи, которые переходят от бабушек к мамам, а потом и к внукам. Хотелось бы, чтобы, когда я уйду, люди вспоминали мою работу с благодарностью.

— У вас контракт?

— Да, на три года — с Комитетом по культуре правительства Москвы.

— Большой зал получил имя Евгения Светланова. Имя как-то повлияет на репертуар?

— Безусловно, в Светлановском зале будут светлановские программы. Как вы помните, открытие первого сезона приурочили к 75-летию Светланова, звучали его любимые сочинения. С Евгением Федоровичем меня связывала большая дружба. Я еще студентом выступал солистом его замечательного оркестра — Госоркестра СССР,

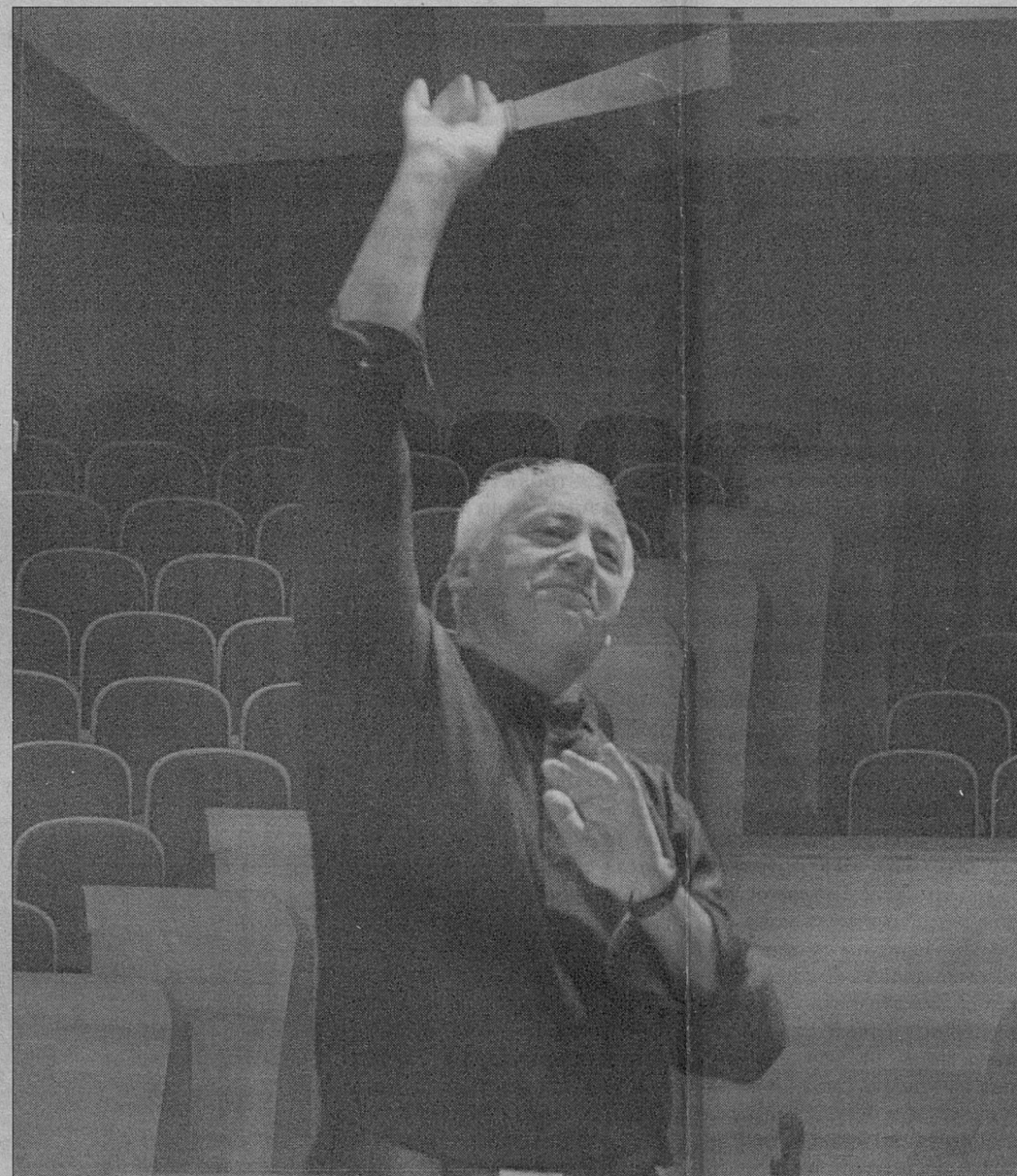
так он тогда назывался. Несмотря на то что он тогда был народным артистом СССР, а я только лауреатом международных конкурсов, оба мы были солистами Московской государственной филармонии. После того как Евгений Федорович ушел из жизни, я узнал, что филармония оказалась стать Филармонией имени Евгения Федоровича Светланова. И я сделал все от меня зависящее, чтобы память о нем получила большее временное пространство. Артист — почти что бабочка, эфемерное создание, которое проживает определенный отрезок времени и исчезает. Публика, наблюдавшая его творческий полет, тоже со временем уходит. Так может ничего и не остаться. Теперь имя Светланова будет освещать долгую жизнь зала, да и всего Дома.

— Оркестров сегодня много. Кто будет выступать у вас?

— Хотелось бы определенного равновесия. На днях я пригласил директоров всех ведущих оркестров — БСО, ГАСО, РНО, АСО Московской филармонии и МГАСО под управлением Когана — и предложил подумать над тем, как можно совместно организовать работу Дома музыки. Аренда зала всем оркестрам, включая и НФОР, предоставляется на равных условиях по расценкам Комитета по культуре. А репертуарную политику будет определять худсовет Дома музыки, в который войдут известные музыканты.

— А театральный зал как будет использоваться? Там начал сейчас играть спектакли театр Табакова. Означает ли это, что и другие театры будут по очереди пробовать этот зал на вкус?

— Вы правильно сказали — пробовать, я — за пробы. Хотелось бы продолжить традицию литературных чтений, ведь у нас такие замечательные мастера, как Алиса Фрейндлих, Алла Демидова, Сергей Юрский, Татьяна Доронина. Мне кажется, что-то интересное там можно сделать, пригласив, например, Евгения Миронова или Владимира Машкова для их опытов или

Владимир Спиваков-дирижер в родном ему на ближайшие три года Доме музыки.

Фото Артема Чернова (НГ-фото).

других молодых актеров, которые пробуют себя в разных ипостасях и стилях.

— Иногда кажется, что по натуре вы — идеалист. Можно сравнить ваш фонд с другими, которые возглавляют люди, долго находившиеся на ответственной партийной работе. Во главе же вашего стоят два чудаковатых человека, таких, что трудно вообразить, что это они организуют фестивали, концерты...

— Если вы чужаками считаете тех, кто 24 часа в сутки думает

не о себе, а о других, то я за таких чудаков. В фонде работают преданные делу люди — Екатерина Ширман, Петр Гулько, которые посвящают себя чужим детям. Занимаясь помощью одаренным детям, мы думаем, в частности, и о сохранении культурного пространства бывшего Советского Союза. Помню, приехал я в Могилев, мне показали работы детской художественной школы. Некоторые — просто потрясающие. Рядом стоит маленькая девочка, говорит: «Это я». — «А как те-

бя зовут?» — «Аня Павлова». Юбка, сшитая из шинели, на ногах кеды, размера 43-го. Спрашиваю: «А ты знакома с пуантилизмом, видела работы Синьяка или Сера?» — «Нет». — «А может, знаешь филоновскую школу?» — «Нет, я была только один раз в музее, с палкой ездила на автобусе 6 часов в Минск». Я стал помогать этой девочке, и сейчас она поступила первым номером в Брюссельскую академию художеств, а также учится в Санкт-Петербургской академии художеств.

— Недавно вы набирали музыкантов в Национальный филармонический оркестр России. Каков сегодня уровень тех молодых? Будут ли они работать в оркестре или через год уйдут работать в какой-нибудь другой, европейский?

— Я не исключаю такой возможности. Но руководитель оркестра должен создать такую атмосферу, чтобы музыканты никуда не хотели уходить и чувствовали себя единым коллективом. Помните, Марина Ивановна Цветаева обозначила оркестр как «единство множества». Точно сказано. На конкурсе я прослушал 400 человек — можно было создать четыре оркестра. Молодые люди великолепно владеют инструментом, но у них не хватает опыта. В Московской консерватории, когда я был студентом, игре в оркестре или в квартете уделяли слишком мало времени. На Западе, особенно в Америке, это главенствующие предметы во многих консерваториях.

— Ищите ли вы людей, которые будут заниматься, к примеру, «Виртуозами», пока вы репетируете с Филармоническим оркестром, и наоборот?

— Такие замечательные музыканты нашлись. Это Томас Зандерлинг, Теодор Курентзис, Владимир Симкин. Джеймс Конлон, главный дирижер «Опера Бастии», тоже выразил желание работать с оркестром. Исключительно полезно для оркестра видеть перед собой разных музыкантов: искусство тем и прекрасно, что разнообразно. А проблема помощника существовала всегда. Я вспоминаю, что даже великий Ленинградский филармонический под управлением Евгения Александровича Мравинского совершенно по-другому звучал с другими дирижерами. Известен случай, когда все, кто находился на репетиции другого дирижера, слышали, что оркестр играет неважно, как-то нехотя, интонационно неточно, и вдруг в какое-то мгновение заиграл божественно. Оказалось, что в зал вошел Мравинский. Только вошел.

— Как было при советской власти — три обязательных года, которые молодой специалист должен отработать...

— Примерно так. Оркестры Кливленда, Филадельфии, Бостона, Чикаго имеют возможность набирать молодых, но уже опытных людей. Думаю, что эта ситуация должна возникнуть и здесь, потому что конкуренция увеличивается, созданы новые коллективы, старые с трудом могут существовать.

— Возможно ли, что через какое-то время перестанет существовать ГАСО, другие старые оркестры?

— Я отвечаю за свой участок деятельности и постараюсь не допустить, чтобы то, что создаю, при моей жизни разрушилось.

— Говорят, Кшиштоф Пендерецкий остался очень доволен НФОРом, с которым впервые в Москве исполнил собственную ораторию «Семь врат Иерусалима»...

— Да, Пендерецкий прислал благодарственное письмо, где назвал московское исполнение одним из лучших. НФОР пока сыграл всего лишь десять концертов в своей жизни, но эти десять концертов — как пять лет существования: между ними огромная дистанция в качестве исполнения.

— Ищите ли вы людей, которые будут заниматься, к примеру, «Виртуозами», пока вы репетируете с Филармоническим оркестром, и наоборот?

— Такие замечательные музыканты нашлись. Это Томас Зандерлинг, Теодор Курентзис, Владимир Симкин. Джеймс Конлон, главный дирижер «Опера Бастии», тоже выразил желание работать с оркестром. Исключительно полезно для оркестра видеть перед собой разных музыкантов: искусство тем и прекрасно, что разнообразно. А проблема помощника существовала всегда. Я вспоминаю, что даже великий Ленинградский филармонический под управлением Евгения Александровича Мравинского совершенно по-другому звучал с другими дирижерами. Известен случай, когда все, кто находился на репетиции другого дирижера, слышали, что оркестр играет неважно, как-то нехотя, интонационно неточно, и вдруг в какое-то мгновение заиграл божественно. Оказалось, что в зал вошел Мравинский. Только вошел.

— Сегодня оркестр — не только творчество, но, к сожалению, и бизнес-проект, и борьба за заказы. У Национального филармонического есть

уже контракты с какой-то звукозаписывающей фирмой?

— Оркестр только начал свой путь, я убежден, что он не останется без контрактов с зарубежными фирмами. Однако больше всего я хочу, чтобы в России появилась фирма, которая могла бы конкурировать с западными. Возможности для этого существуют. НФОРом сделаны первые пробные записи музыки Чайковского и Рахманинова на аудиоконфликсе Дома музыки, и если результат будет соответствовать мировым стандартам, а это выяснится только после монтажа, то можно сказать, что в России родилась новая звукозаписывающая студия мирового класса. Что касается гастролей, то уже в апреле состоится первое турне по городам Сибири и Урала. Национальный оркестр должен оправдывать свое название и в первую очередь выступать в собственной стране.

— В Доме музыки вопрос акустики по-прежнему актуален, говорят, без микрофонной подзвучки ничего не выходит...

— Мы постоянно занимаемся этой проблемой, уже многое сделано. Из-под сцены изъятые 50 см стекловаты, которая не давала ей дышать. Убран шум вентиляции. От вибрации инструментов и энергетики публики зал оживает. Могу вам сказать, что не успокоюсь, пока не доведу дело до конца. Думаю, что и московское правительство меня в этом поддержит. Оно потратило огромные деньги на строительство этого великолепного музыкального центра. Не грех вложить еще немного, чтобы довести акустику до совершенства. Мне бы хотелось, чтобы окончательные работы по совершенствованию акустики Светлановского зала велись одновременно с монтажом немецкого органа — самого большого в России по количеству регистров. В случае успеха можно рассчитывать, что зал действительно станет одним из лучших в мире.